

A woman with long dark hair, wearing a blue lace dress, stands in the center. She is looking towards the right. The background is split: the left side shows a dark, gothic castle at night with purple lights, and the right side shows a bright, golden castle in daylight. The sky is a mix of dark and light blue, with a large moon and a bright light source. There are blue roses and falling petals in the foreground.

СТОЯЩАЯ
МЕЖДУ
МИРАМИ

Алия Кенесарина
Стоящая между мирами

«Автор»

2022

Кенесарина А.

Стоящая между мирами / А. Кенесарина — «Автор», 2022

Джейн всегда чувствовала: с её семьёй что-то не так. Старинные правила, холодная роскошь, странные традиции, семейные тайны и ощущение, что за идеальным фасадом скрывается нечто опасное. Но привычный мир рушится в тот момент, когда в ней впервые просыпается сила. Один всплеск — и Джейн оказывается втянута в историю, начавшуюся задолго до её рождения. Предательство близких. Древнее пророчество. Война светлых и тёмных. Прошлое, в котором у неё было другое имя. Теперь она Селена. Та, кого называют дитём тьмы. Та, кого боятся даже бессмертные. Та, чьё рождение, по пророчеству, может привести миры к гибели. Но что, если тьма не всегда означает зло? Что, если свет не всегда означает спасение? И что, если между двумя сторонами существует третий путь? Селена должна узнать правду о себе, встретиться с сестрой, которая является её полной противоположностью, и решить, кем она станет: разрушением, ошибкой судьбы или силой, способной изменить сам закон миров.

© Кенесарина А., 2022

© Автор, 2022

Алия Кенесарина

Стоящая между мирами

Глава 1. Первый всплеск

Я знаю.

Я найду это.

Я тяну руку вперёд, пытаюсь достать что-то в воздухе. Оно почти рядом. Почти в моих пальцах. Но чем сильнее я тянусь, тем дальше оно ускользает от меня.

Впереди обрыв.

Я не успеваю затормозить и падаю в бездну.

Воздух рвётся мимо лица, темнота раскрывается подо мной, но я всё равно не разжимаю пальцев.

Это слишком важно.

Я не могу снова это потерять.

Нет!

— Госпожа, просыпайтесь! — будничным тоном сказала Элла.

Я вскочила с постели.

Всего лишь сон.

Комната была на месте. Высокие окна, тяжёлые шторы, светлые стены, аккуратно сложенное покрывало у ног. Всё привычное. Всё настоящее.

Но внутри ещё оставалось ощущение падения.

И пустоты в ладони.

Что я искала? Что-то очень важное. Что-то, что нельзя было потерять.

— Госпожа, сегодня начало учебного года, вы не должны опаздывать.

— Да, конечно, — уверенно сказала я.

Нужно выбросить эти мысли из головы.

— Элла, мне больше не нужна твоя помощь.

— Госпожа, завтрак через пятнадцать минут, — лаконично ответила Элла.

— Хорошо, Элла.

Она посмотрела на меня встревоженным взглядом.

— Что-то случилось, моя госпожа? Могу я помочь?

— Спасибо, нет.

Я посмотрела на неё благодарно. Элла всегда всё подмечает. Ведь она знает меня буквально с пелёнок. Мой отец нанял её, когда я родилась. Поэтому всё моё детство Элла была рядом: наблюдала за мной, развлекала меня, давала советы. Когда у меня были проблемы, я всегда шла к ней.

Она была мне второй матерью.

Ну уж точно лучше моей настоящей.

Элле было сорок восемь лет, но для своего возраста она выглядела очень молодо. Стройная фигура, рост под метр восемьдесят, добрые голубые глаза, каштановые волосы, завязанные в хвост. На лице почти не было морщинок, а её отличительной чертой было родимое пятно под правым ухом.

На ней было обычное, но элегантное голубое платье под цвет глаз. Элла была настоящей леди, хотя росла сиротой и всего добилась сама. Оставалось только удивляться её гордой осанке и величавой походке. Именно поэтому мой отец и взял её к нам гувернанткой.

Мой дедушка был графом и жил в Англии. Поэтому мой отец, даже переехав из нашего поместья в Северную Америку, хотел, чтобы его дети знали свои корни. Конечно, здешние

люди этого не понимали. Они смотрели на нас с жалостью, не понимая, к чему весь этот этикет, реверансы, слуги и семейные правила.

Сейчас ведь двадцать первый век.

И я не виню людей за то, что они нас не понимают. Ни у кого из моих друзей нет слуг. Остаётся только гадать, почему мой отец вообще решил переехать из нашего поместья в Англии в США.

Элла поспешно вышла из комнаты. Похоже, у неё ещё было немало дел по дому.

Я прошла в ванную. Она была отделана искусно и современно. Это было по моему настоянию: раньше ванная была в викторианском стиле, а мне хотелось хотя бы одно место в этом доме, где не ощущалось бы, будто я живу в чужой эпохе.

Я взглянула в зеркало и увидела своё лицо.

В нём не было ничего необычного.

Белоснежная кожа, большие голубые глаза, длинные прямые чёрные волосы. Пухлые губы и постоянно преследующий меня румянец. Рост — под метр восемьдесят.

Многие говорили, что моя внешность очень аристократична. Но моей отличительной чертой была маленькая родинка прямо на середине носа. Если бы можно было провести вертикальную прямую, считая центром мою родинку, моё лицо поделилось бы на две почти симметричные части.

Фигура была стройной, ноги — ровными, руки — необычайно нежными. Многие могли бы назвать меня красавицей, но в целом ничего особенного.

Как я сама себя иногда в шутку называла — типичная красавица.

Я приняла душ, умылась и надела повседневное платье. Это было одним из правил моего отца. Он считал, что в доме нельзя шататься в чём попало.

Я спустилась к завтраку.

Ну вот.

Вся семья в сборе.

В центре стола сидел мой отец — Луис. Ему было сорок пять лет, но выглядел он вполне на тридцать два. Фигура атлета, белоснежная кожа, голубые глаза. Волосы — шелковистые, чёрные, коротко стриженные. Ростом он был около двух метров. Ещё у него были длинные пушистые ресницы, что делало его взгляд особенно загадочным.

Отца многие считали просто красавцем. Даже сейчас на него часто посматривали. Иногда мои подруги мечтательно спрашивали о нём. Но я ясно дала им понять, что такие вопросы недопустимы.

Я была очень похожа на отца. На мать же совсем не походила. Разве что пропорциями фигуры.

Напротив него сидела моя мать — Мерседес. У неё были длинные кудрявые рыжие волосы, бездонные зелёные глаза и смуглая кожа. На ней было золотистое платье с красивой вышивкой.

Мать была просто красавицей, хотя совсем не смахивала на англичанку. Отец говорил, что у неё смешанная кровь. У неё была необычная внешность, пышные формы и стройная фигура. Ростом она была ниже меня на полголовы. Ей было сорок два года, но никто не давал ей больше тридцати.

Вот такие у меня были родители.

Справа от отца сидела моя старшая сестра — Джессика. Джессике было двадцать лет, она была старше меня на три года. Джессика была моделью, которую все обожали. Она была очень похожа на мать: такие же рыжие волосы, смуглая кожа и зелёные глаза. Только ростом она была выше мамы, почти наравне со мной.

Джессика была яркой девушкой, и даже сейчас на ней было жёлтое шёлковое платье ручной работы.

Из всей своей семьи я предпочитала отца. Мать и сестра явно не чувствовали ко мне любви. А отец был очень ласков со мной и часто помогал мне. Так что из всей семьи я могла говорить и советоваться только с ним.

Но это бывало крайне редко.

Ведь мать и сестра постоянно крутились вокруг него.

Иногда я даже думала, что люблю отца.

В нашей семье понятие любви использовалось только для внешнего лоска.

— Доброе утро, Джейн! — ласково сказал мой отец.

Я сделала грациозный реверанс в ответ на приветствие. Ещё одно правило моего отца: при приветствии никогда не забывать о реверансе.

— Доброе утро, отец, мать, сестра! — сказала я, переводя взгляд с одного на другого.

Мать улыбнулась. Сестра бросила многозначительный взгляд.

Я села слева от отца. На завтрак нам подали филе рыбы и свежие овощи. Обычный завтрак.

Ещё одно правило отца — плотный завтрак. Мы жили по принципу: «Завтрак съешь сам, обед подели с другом, ужин отдай врагу». Но и это не мешало мне иногда жульничать и пронести в свою комнату сладости. Элла, конечно же, знала об этом, но предпочитала помалкивать.

И вот ещё одна странность моей семьи.

На завтрак, обед и ужин отец с матерью всегда пили вино. Да, что бы они ни ели, всегда пили именно его. Нас с сестрой это всегда удивляло и даже ужасало. Как можно пить только одно вино? Вино, конечно, благородный напиток. Но всё же есть какие-то границы.

И вот теперь моя «всезнайка» сестра тоже пьёт вино.

Не знаю, что с ней случилось, но после того, как ей исполнилось восемнадцать, отец с матерью, уезжая в очередную командировку, впервые взяли её с собой. А я, мол, ещё маленькая. Мне нужно ждать своего совершеннолетия.

Не знаю, какое у них тайное сообщество, но меня к этому даже близко не подпускают.

В общем, странная у нас семейка, что и говорить. В городе про нас даже легенды слагают. Хотя это громко сказано.

— Сегодня я хотела бы пойти с ночёвкой к Саре Паркер, — спокойно сказала я.

Чему я научилась в своей семье, так это говорить спокойно и не спеша, даже если беспокоишься.

Сара Паркер была моим заклятым другом. Красавица, отличница, любимица учителей и человек, который ненавидел меня почти так же старательно, как улыбался при всех.

Наш конфликт начался три года назад, когда мать записала меня на выборы капитана группы поддержки. Я собиралась провалиться специально: вступать в ряды черлидеров, да ещё и быть их капитаном? Нет уж, спасибо.

Но моя сестра-всезнайка узнала про мои планы и привела с собой мать. В итоге мне пришлось показать, что я умею. Двойные сальто, перевороты, мостик, гибкость, которую я унаследовала от матери-гимнастки.

Команда выбрала меня капитаном единогласно.

Представьте, какая «радость» у меня была.

Сара приняла это на свой счёт. С тех пор она ловила каждый момент, чтобы меня подставить.

И вот сегодня при всём классе она пригласила меня на свою вечеринку. Да ещё и сделала так, что если я откажусь, то буду сущей дрянью, а она — ангелом.

— Исключено, — коротко и ясно ответил отец.

— Почему? — слегка раздражённо спросила я.

— Ты знаешь: это традиция. Каждый год в этот день у нас семейный ужин, — холодно сказал отец, с расстановкой произнося каждое слово.

— Но, отец, у американцев тоже такая традиция! К тому же у нас каждый день семейный ужин, — слегка повысив голос, сказала я.

— Джейн, не повышай голос и не сравнивай нас с ними, — голос отца звучал как сталь. Я знала, что дальнейший спор бессмыслен.

Но во мне что-то вдруг встрепенулось.

Меня охватила буря эмоций. Я чувствовала себя пробудившимся вулканом. Я никогда не ощущала столько злости, гнева и ненависти одновременно.

Стало жутко.

Я не могла понять, почему так сильно разозлилась.

Мне даже показалось, что мои глаза загорелись огнём.

— Нет, отец, я пойду! — на удивление громко и твёрдо сказала я и встала.

Я никогда не повышала голос в присутствии отца и матери.

Но вдруг в тот же миг стекло разбилось.

Я была в шоке.

Всё произошло стремительно быстро, но в то же время я запомнила каждый миг.

Звон.

Осколки.

Резкий вдох матери.

Лёгкое движение отца.

Мой собственный страх, который почему-то был похож не на ужас, а на силу.

Я инстинктивно перевернула стол и сделала из него временное укрытие. Вся семья на удивление быстро спряталась за ним. Слуги, которые стояли поодаль, в ужасе убежали. Кого-то из них слегка задело.

Это заняло считанные секунды.

Шум стих. Остальные слуги уже успели сбежаться со всего дома. Все были ошеломлены, и повисла минута молчания.

Дело в том, что у нас в доме были не простые стёкла, а пуленепробиваемые.

Как же так?

Я всегда удивлялась, зачем нам такие окна. И вот что значит подделка. Но как они могут быть подделкой, если отец лично всё проверяет?

Что же тогда это такое?

Посмотрев на семью, я заметила их взгляды, устремлённые на меня.

Не на окно.

Не на осколки.

На меня.

И как-то само вырвалось:

— Извините.

Уж не знаю, за что я извинялась, но чувствовала себя виноватой. Виноватой за что? За то, что впервые повысила голос и имела смелость дерзить отцу? Или потому что стекло разбилось?

Но ко мне это не имело никакого отношения.

По крайней мере, разбитое стекло.

И всё же интуитивно я чувствовала вину.

Почему?

Все были шокированы не меньше меня. Но мой отец и в такой ситуации не потерял хладнокровия. Он приказал слугам убраться, позвонил в компанию и заказал новые окна. Я же не могла прийти в себя от происходящего и не решалась продолжать разговор.

Когда все хлопоты утряслись, отец сам начал разговор.

— Думаю, Джейн, ты поняла наш разговор. Ты не пойдёшь сегодня никуда, и точка, — строго сказал отец.

Что ж, моего упрямства для одного дня было слишком много. И всё равно, что подумают в школе. Я уже хотела покорно произнести: «Да, отец».

— Милый, думаю, нам стоит пересмотреть своё решение, — мягким, но твёрдым голосом сказала мать. — В конце концов, она у нас уже взрослая.

Говоря эти слова, она не отводила от меня взгляда.

Это был голодный взгляд.

Мне стало очень страшно.

Она никогда не уделяла мне особого внимания. Всё её внимание было сосредоточено вокруг моей старшей сестры. И впервые мать смотрела на меня так заинтересованно. Почти восторженно.

Но в этом взгляде было что-то ледяное.

И голодное.

Мать редко спорила с отцом. Но когда до этого доходило, они спорили долго. Поэтому меня и удивил ответ отца.

— Хорошо, — хладнокровно ответил он.

Теперь он смотрел понимающе. Будто прозрел истину. И так же заворожённо смотрел на меня.

Только Джессика всё это раздражало.

Она, кажется, тоже поняла. И была разочарована. А ещё жутко зла.

Джессика смотрела на меня презренным взглядом. Впервые, думаю, она смотрела на меня откровенно презрительно. До этого, лукавая и издеваясь надо мной, она всегда улыбалась.

Что за день...

Сегодня вся семья решила удивить меня своим поведением.

— Милая, тебе пора собираться в школу, а не то опоздаешь, — ласково сказала мать и улыбнулась.

Эта улыбка...

Такое злейшему врагу не пожелаешь.

В ней было скрыто так много, что я не всё успела разглядеть.

Ну вот, не успел начаться учебный год, а я уже опаздываю.

Прозвенел звонок. Это был мой выпускной класс. Если бы не эта утренняя сцена, я бы не опоздала. И вообще, лучше бы я не заводила эту тему.

Я забежала в класс. Конечно, учитель уже был на месте. Это был учитель химии мистер Фитц. Он был старым и довольно сварливым, низкого роста и пухлым. На лице у него всегда были одни и те же очки.

Ну вот, сейчас будет отчитывать...

На удивление он посмотрел на меня, кивнул головой и отвернулся к доске. Я быстро прошмыгнула в класс.

Конечно, всё это не ускользнуло от Сары. Она уже сверлила меня своим «доброжелательным» взглядом.

Наконец-то наступило обеденное время. Ко мне подошли три девушки.

Ханна, Майя и Кирстен.

Они были моими друзьями. Очень разными и, если честно, довольно странными. Хотя кто бы говорил.

Ханна была самой мягкой из нас. Смуглая, немного полноватая, с голубыми глазами и каштановыми волосами до плеч. Она выглядела мило и незащищено, но это было обманчивое впечатление. Ханна умела стоять на своём так тихо, что человек даже не сразу понимал, как оказался побеждён.

Майя была полной противоположностью. Высокая, стройная, с карими глазами и зелёными волосами. Да, именно зелёными. Она занималась каратэ, не терпела несправедливость и могла ударить раньше, чем объяснить, почему ты неправ.

Кирстен была блондинкой в шоколаде. Низкого роста, на высокой розовой платформе, с голубыми глазами и острым умом. Если кто-то думал, что она глупая из-за внешности, он очень быстро понимал свою ошибку. По рейтингу учёбы она стояла на втором месте после меня и до сих пор делала вид, что это её не раздражает.

— Джейн, привет! — сказала Ханна, улыбнувшись.

— Бонжур! — сказала Кирстен. Она была немного сдвинута на французском.

— Хай! — сказала Майя.

И все трое сели за стол.

Не успели мы обсудить сегодняшний вечер, как Сара Паркер уже шла ко мне через столовую со своей свитой. Она остановилась около моего стола и улыбнулась мне.

Это в прямом смысле можно было назвать змеиной улыбкой.

— Как ты знаешь, сегодня у меня вечеринка, Джейн! — громко и интригуяюще сказала Сара, нарочито сделав паузу, чтобы все вокруг услышали.

Все в столовой притихли, так что было слышно дыхание друг друга. Сара явно была довольна произведённым эффектом.

— Специально для тебя я заказала из Англии платье, которое вышло мне в круглую сумму. Ты ведь обещала ко мне прийти, — последнее предложение она намеренно выделила. — Ну, ты ведь придёшь? Будет весело.

Все вокруг затаили дыхание, ожидая моего ответа.

— Сара, я как раз хотела сказать тебе, — спокойно сказала я, сделав паузу.

Глаза Сары так и пылали от радости моего позора.

— Конечно, я приду, — ответила я и улыбнулась ангельской улыбкой.

Сначала Сара не поняла. Затем открыла рот, хотела что-то сказать, но промолчала.

Услышав мой ответ, столовая вновь приняла свой обычный вид. Все расслабились, некоторые посмеивались, стало шумно, как обычно.

— Ты хотела что-то ещё сказать? — спросила я Сару и триумфально улыбнулась.

Она помотала головой и ушла пристыженная со своей свитой.

Ну, хоть какая-то радость на сегодняшний день. Я сорвала план своей «подруги». Похоже, дела налаживаются.

Но всё же...

Что за бред был утром?

Придя домой, я в первую очередь приняла ванну и приготовила одежду. Затем спустилась вниз как раз тогда, когда заменяли окна.

— О, доченька! Ты приготовилась к вечеринке? Хочешь, я помогу тебе с выбором наряда? Может, хочешь что-то купить? — заботливым тоном спросила мать.

Мне стало противно и страшно одновременно.

Что с моей матерью?

Она никогда ничего не делает просто так. Мать в жизни не называла меня доченькой. Её любимицей всегда была Джесс. На меня же она просто не обращала внимания.

— Нет, спасибо, — улыбнувшись, ответила я.

— Ох, как жаль, а я хотела помочь тебе, — надув губки, сказала мать.

Нет, это уже перебор.

Да что с ней такое?

Она никогда со мной так не разговаривала.

Откуда вдруг такая перемена?

И почему мне кажется, что это только начало?

Глава 2. Падение

И вот я уже на пути к дому Сары.

Отец настоял, чтобы меня отвёз водитель. Конечно, как иначе. В нашей семье даже обычная поездка к однокласснице должна была выглядеть как маленький светский выход.

Ну, дом — это мягко сказано. У Сары Паркер был не дом, а настоящий особняк. Мы въехали через ворота во владения Паркеров. Трёхэтажное здание белого цвета, идеально ровные дорожки, аккуратно подстриженные кусты и огромный бассейн перед домом. Планировка и обстановка были явно созданы дизайнером. Всё выглядело величественно, дорого и современно.

И слишком тихо.

Меня удивило то, что машин почти не было. Для вечеринки у Сары это было странно. Она всегда любила шум, внимание и толпу, в которой могла блистать.

Я вышла из машины, и водитель помог мне с сумкой. Никто не вышел мне навстречу.

Странно.

Я попросила водителя оставить вещи и откланяться. Зайдя в дом, я обнаружила, что на первом этаже никого нет.

Тишина будто прилипла к стенам.

Вдруг я услышала шум сзади. Повернувшись, никого не увидела. Мне даже показалось, что по коридору скользнула чья-то тень.

Видимо, это моё воображение.

Хотя после сегодняшнего утра я уже не была в этом уверена.

Я поднялась на второй этаж и зашла в комнату Сары.

Ну наконец-то я нашла их. Я уж подумала, что все испарились.

В комнате сидели Ханна, Майя, Кирстен, Сара и её свита: Джоанна, Сюзен, Бекка, Хелен, Челси и Шерил.

— Привет, что происходит? На сегодня ведь планировалась вечеринка. Тогда где все?

Сара, сидевшая на кровати, чуть-чуть привстала и посмотрела на меня.

— Привет, Джейн. Я уж думала, ты никогда не появишься. Ты здорово припозднилась. Я отменила вечеринку и решила сделать простой девичник, — спокойно сказала Сара.

Ещё один шок.

Сара из года в год в первый день учёбы устраивала вечеринку. Это была чуть ли не её личная религия. Что могло на неё так резко повлиять?

— Ну ладно, без вопросов. Мы уж думали, что ты никогда не придёшь, — сказала Сара.

В её голосе было что-то неестественно ровное.

— Пойдёмте искупаемся! — предложила Кирстен.

— А у меня идея поинтереснее, — загадочно сказала Сара. — Каждый вытянет из этого мешка камень. Кому попадётся чёрный, тот должен исполнить общее желание.

Сказав это, Сара многозначительно посмотрела на меня.

Это был вызов.

В любой другой момент я была бы рада принять его. Но только не сейчас. Сегодня во мне всё и так было натянуто, словно струна. Утренний сон, разбитое стекло, странный взгляд матери... Всё это никак не выходило из головы.

Было у меня какое-то предчувствие.

И оно мне не нравилось.

Все, кроме меня, согласились и ждали моего ответа.

— Ну что, струсила? — спросила Сара.

— Конечно, нет! — ответила я.

Ну, я ей покажу. К тому же вряд ли этот камень вытяну именно я.

Сара пошла по кругу. Первой вытянула Кирстен — белый. Второй была Бекка, третьей — Челси. Белый. Белый. Белый.

И вот моя очередь.

Почему у меня такое чувство, что сегодня что-то случится?

Я протягиваю руку, касаюсь камней, тщательно обдумываю, выбираю и вытягиваю.

Чёрный.

В моей руке лежал чёрный камень.

Комната на мгновение будто замерла.

— Предлагаю пригласить Кайла Макадзи на свидание, — сказала Джоанна.

— Фу! — хором сказали все девочки.

— Нет, давайте лучше закажем пиццу, а парня, который её доставит, Джейн поцелует и даст ему свой номер! — предложила Челси.

— О-о-о!

Сара демонстративно развела руками, чтобы привлечь к себе внимание.

— Идеи хорошие, но слишком простые и детские. Джейн должна спрыгнуть со второго этажа в бассейн, — сказала Сара.

В комнате стало тише.

— Но, Сара, это же слишком! — сказала Майя.

— Майя права, тут слишком высоко, — поддержала Ханна.

Я посмотрела на Сару. Она улыбалась. Не широко, нет. Её улыбка была тонкой, почти ленивой. Как будто она заранее знала, что я не откажусь.

— Тогда давайте голосовать! — решительно сказала Сара и обвела взглядом свою свиту.

Шестеро против троих. Мой голос, конечно же, не считается.

— Джейн, ну как тебе? — злобно съязвила Сара, посмотрев на меня.

— Да запросто, — ответила я.

Конечно, я так не думала.

Это было опасно. Слишком опасно даже для меня. Высота была около десяти метров. Плюс, прыгая с балкона, нужно было сильно оттолкнуться, чтобы не приземлиться на землю. Хоть бассейн и был большой, он находился на приличном расстоянии от дома.

Но отказаться?

Перед Сарой?

Перед её свитой?

Нет уж.

Мы все вышли на балкон.

Снизу бассейн казался меньше, чем раньше. Вода в нём была тёмной, почти чёрной, и отражала вечернее небо.

— Тебе не обязательно это делать, — сказала мне на ухо Ханна.

В её голосе была настоящая тревога.

Я покачала головой.

— Да ладно, Джейн, ты можешь этого не делать. Мы все знаем, что у тебя для этого кишка слишком тонка! — язвительно сказала Шерил.

И вся свита Сары рассмеялась.

Я медленно повернулась к ней.

— Шерил, — тихо произнесла я, посмотрев ей прямо в глаза. — Сейчас внимательно смотри и не пропусти своими маленькими глазками моё представление.

Шерил перестала смеяться и застыла от гнева. Она комплексовала по поводу своих глаз.

— Джейн, держись, — сказала Майя.

Я отвернулась от них и отошла на небольшое расстояние.

На секунду мне показалось, что воздух стал гуще.

Точно как во сне.
Я разбежалась, оттолкнулась настолько сильно, насколько могла, и прыгнула.
Сначала был страх.
А потом — странное чувство, будто я лечу.
Нет.
Будто я уже когда-то летала.
Я парила в воздухе, и это состояние было невозможно прекрасным. Ветер ударил в лицо, волосы взметнулись, где-то позади раздались крики, но всё это стало далёким.
Это чувство ностальгии.
Точно как в том сне.
Я тяну руку вперёд, как во сне, и пытаюсь схватить что-то.
Что?
Что я потеряла?
Что я должна найти?
Что-то очень важное...
Не понимаю, как так получилось, но я оказалась на другом конце бассейна. Упав, я ударились головой о стену.
Боль вспыхнула белым светом.
А потом всё поглотила вода.
Девушки, наблюдавшие за мной, думали, как прекрасна я была, будто летела. Но, увидев, как я упала, пришли в ужас.
— Смотрите, не всплывает! — сказала в ужасе Джоанна.
— И правда, — почти шёпотом сказала Челси.
— Бежим ей на помощь! — закричала Ханна.
Я тону.
Вода обволакивает меня со всех сторон. Холодная, тяжёлая, чужая. Тело не слушается, лёгкие горят, голова пульсирует от удара.
Но я не разжимаю пальцев.
Словно это поможет.
Почему?
Неужели я так и умру здесь, на вечеринке у моего заклятого друга?
Глупо. Даже для меня.
Я прижимаю руку, не размыкая пальцев, к сердцу. Словно что-то держу в ней.
Но что это?
Сквозь мутную воду я вижу руку.
Кто-то берёт меня за руку, размыкает мои пальцы и переплетает их со своими.
Кто это?
Я плохо вижу.
Но чувство...
Оно слишком знакомое.
Кто-то вытаскивает меня на поверхность.
Воздух.
Свет.
Боль.
Теперь я вижу его. Очень размыто, но вижу.
Это парень.
У него чёрные волосы, спадающие до плеч, бледная кожа и голубые глаза. Эти глаза — цвет неба. Нет, я не могу описать их. В них такая глубина и нежность, будто он знает меня давно.

Дольше, чем может быть возможно.
Он кладёт меня на землю и приближается ко мне. Его волосы касаются моей щеки. Я вся горю, но мне ведь должно быть холодно.
— Не совершай больше глупостей, — говорит незнакомец, глядя прямо мне в глаза.
Его голос нежный, полный грусти и чего-то, что мне не понять.
Какой он красивый.
Но выглядит так, будто он не из этого мира.
Я пытаюсь что-то сказать, но не могу. Только сейчас замечаю, что мне тяжело дышать.
Я закрываю глаза от боли в голове и лёгких.
Я чувствую его пальцы. Он аккуратно опускает мою голову на траву.
А потом я чувствую его губы на своих губах.
Что...
Как приятно.
Все мысли перепутались. Боль отошла на второй план.
Это поцелуй?
Он вдыхает воздух в мои лёгкие, и я начинаю кашлять. Из моего рта выходит вода, и я беспомощно ложусь, напряжённо смотря на него.
Не хочу закрывать глаза.
Кажется, он исчезнет, если я их закрою.
Кажется, он растает.
Он берёт мою руку и прижимает к своей щеке.
Что это за чувство такое?
Я не хочу, чтобы он уходил.
Никогда.
Но я потеряла слишком много крови и теряю сознание.
Нет.
Не уходи...
Я прихожу в себя.
Открывая глаза, я ищу его взглядом.
— Не уходи! — говорю я.
Но обнаруживаю себя в комнате Сары. Все вокруг меня столпились. К голове приложено что-то холодное.
— Слава Богу! — вскрикивает Ханна и обнимает меня.
И все вокруг облегчённо вздыхают.
Я лежу в комнате Сары. Голова пульсирует, всё тело ломит.
— Ханна, что случилось? — шёпотом спрашиваю я.
Ханна берёт меня за руки и прижимает к себе.
— Нам было так страшно... — начинает она. — Удар был таким сильным, что мы, будучи в доме, услышали его. Сара уже вызвала скорую, скоро они приедут... Джейн, я так испугалась!
Я смотрю на Ханну. Она всхлипывает. Майя напряжённо смотрит на Сару, и кажется, что она хочет убить её. Кирстен нервно покусывает губы. Джоанна сидит на полу и пялится в потолок. Челси и остальные смотрят на меня.
— Как ты? — спрашивает Сара.
У Сары напряжённое лицо. Кажется, она чувствует себя виноватой. Неужели Сара Паркер может чувствовать что-то подобное?
Но меня интересует совсем иное.
С момента пробуждения меня волнует только один вопрос.
Где он?
Я сама не замечаю, как обращаюсь ко всем вслух.

— Что? — спрашивает Кирстен.

Другие недоумённо переглядываются.

— О чём ты? — встревоженно спрашивает Майя.

— Где парень, который спас меня? — спрашиваю я.

Я больше не могу терпеть.

Где он?

Не стоило закрывать глаза.

Не стоило отпускать его.

— Джейн, — очень серьёзно произносит Кирстен. — О чём ты говоришь? Ты сама выбралась. Когда мы прибежали, ты лежала без сознания на земле. Около тебя никого не было. Территория большая и открытая. Если бы тебя кто-то спас, мы бы увидели его, даже если бы он попытался сбежать.

О чём она говорит?

Она лжёт.

— Джейн! — Ханна сжимает мою руку. — Ты ударила головой, поэтому тебе просто показалось. Это была иллюзия...

Я вырываю свою руку из пальцев Ханны и приподнимаюсь.

— Что ты имеешь в виду? Ты думаешь, мне могло такое показаться? Ты что, не веришь мне?! — закричала я.

Моя спина дрогнула, и я упала на кровать.

Все они лгут.

Мне не могло показаться.

А вдруг?

Ведь я упала.

Нет.

Я хочу тебя увидеть.

Похоже, я снова потеряла сознание.

Я лежу в своей комнате.

— Госпожа, слава Богу, вы проснулись! — радостно говорит Элла.

Я не могу пошевелить левой рукой. К ней подсоединены какие-то приборы и капельница.

— Что это, Элла?

— Госпожа, ваш отец не захотел, чтобы вы лежали в больнице. Поэтому вас с оборудованием привезли сюда. Господин сказал, что вам необходимо переливание крови и лечение.

— Ясно. Ну, я намного лучше себя чувствую.

Элла не улыбнулась.

Наоборот, её лицо стало ещё тревожнее.

— Дело в том, что вы, госпожа, проспали так месяц, — обеспокоенным голосом говорит Элла.

— О чём ты? — спрашиваю я.

Месяц.

Не может быть.

Травма, конечно, была серьёзной, но месяц лежать в коме — это шутка?

— Госпожа, — обеспокоенно говорит Элла, озираясь по сторонам. — Думаю, здесь что-то происходит. Ваш отец отдал приказ ежедневно вводить вам какую-то сыворотку. Думаю, из-за неё вы и спали так долго. Сегодня я не сделала вам инъекцию, и вы проснулись. Думаю, ваш отец не хочет, чтобы вы в ближайшее время просыпались.

В комнате стало тихо.

Слишком тихо.

— Элла? Но если это правда... Зачем отцу так поступать?! Конечно, между нами довольно прохладные отношения. Но не до такой же степени... — оторопело говорила я.

Что тут происходит?

Если Элла права, значит, отец правда не хочет, чтобы я просыпалась.

Но это значит, что...

ОТЕЦ ХОЧЕТ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ МЕНЯ.

Мысль ударила сильнее, чем падение в бассейн.

— Элла, что ты думаешь по этому поводу?

Мне нужно знать, что думает Элла. Она мне как настоящая мама. Элла не солжёт мне и не предаст меня.

— Госпожа, я не знаю, как вам это сказать. Но в планы вашего отца точно не входит будить вас. Я видела, что эту сыворотку привезли нам ещё примерно на год. Ох, госпожа, не хочу говорить этого... Но ваш отец что-то задумал. И, простите, что-то уж преотвратительное.

Нет.

Если Элла так говорит, значит, это правда.

Мои предположения верны.

Но из-за чего отец так поступает? Неужели из-за того, что я ему тогда не подчинилась?

Я и не заметила, как слёзы навернулись на мои глаза.

Что со мной?

— Госпожа! — Элла приобняла меня. — Не плачьте! Вы ведь никогда себе этого не позволяли!

Точно.

Элла права.

Мне не стоит плакать. Я никогда раньше не позволяла себе плакать. Но теперь больше не могу сдерживаться. Я всхлипываю и прижимаюсь к Элле. Я знаю, что слёзы не помогут, но мне больно осознавать, что отец так поступает со мной.

Почему?

— Элла, почему? Почему моя семья так ненавидит меня? Почему с детства меня сторонится отец? И почему мать с сестрой так презирали меня? Почему отец хочет избавиться от меня? Раньше я всё же думала и тайно надеялась, что у нас семья. Что мне просто кажется, будто все меня презирают. Из всей своей семьи я думала, что отец любит меня. Почему он предал меня? Почему? — вскричала я.

Я рыдаю. Потоку моих слёз теперь не остановиться.

Это второй раз в жизни, когда я плачу.

Нет.

Я ошиблась.

Третий.

Первый раз был, когда я родилась.

Однажды в детстве, когда мне было шесть лет, я заблудилась в лесу. Тогда моя мать наблюдала за мной. Я думаю, она специально не уследила за мной. Я долго брела по лесу в поисках родных. Но наткнулась на яму и угодила прямо в неё.

Стемнело. Мне стало страшно, я поранилась, и мне было больно. Я заплакала. Я чувствовала беспомощность и одиночество.

Вдруг я услышала шум.

Это был волк, почуявший запах моей крови. Когда я увидела его, мне стало очень страшно. Я закричала.

Волк уже было набросился на меня, как мой отец заслонил меня собой. Его ужасно поранило. Он ударил волка, и тот упал.

Тогда мне казалось, что он мой герой.

Я была так счастлива.

Отец взял меня на руки и обнял. Он говорил, что очень долго меня искал и волновался.

И он произнёс эти слова:

— Никогда не плачь, потому что это расстраивает меня. И не совершай больше глупостей.

Я запомнила эти слова.

Я знала, что если буду плакать, то отец расстроится.

С тех самых пор я никогда не плакала, как бы больно мне ни было.

До сегодняшнего дня.

Потому что сегодня я впервые поняла: возможно, мой герой никогда не был героем.

Возможно, я просто слишком долго хотела в это верить.

Глава 3. Истина крови

— Госпожа, пожалуйста, не плачьте больше, — умоляюще произнесла Элла.

Всё это время, пока я плакала и говорила то, что давно болело в душе, Элла выслушивала меня и гладила по спине. Не перебивала. Не пыталась спорить. Просто была рядом.

Как всегда.

— Спасибо тебе, Элла! — искренне сказала я.

— Госпожа, вы мне как дочь.

От этих слов внутри снова что-то дрогнуло, но я заставила себя выпрямиться.

— Но что же мне теперь делать? — озадаченно спросила я.

— Госпожа, вам нужно бежать отсюда. И поскорее, — сказала Элла.

— Нет, я не буду убегать. Я хочу узнать, почему отец так поступил. Наверняка на это были причины, — решительно заявила я.

Я хочу всё выяснить.

Отец не мог так поступить без весомой причины. Он был единственным человеком в семье, которому я больше доверяла. Если я сбегу сейчас, то никогда не узнаю правды.

А я должна знать.

— Элла, сейчас же сообщи отцу о моём пробуждении, — решительно заявила я.

— Но, госпожа, — умоляющим тоном произнесла Элла. — Вы хоть понимаете, какие последствия могут быть?

— Я всё понимаю. Поэтому и хочу ещё больше это выяснить, — тихо ответила я.

Элла не стала долго препираться. По крайней мере, она знала, что со мной это бесполезно.

Она ушла.

Я осталась одна.

Комната вдруг показалась слишком большой. Приборы возле кровати тихо пищали, капельница медленно отмеряла капли, а за окном стояла неподвижная тишина. Всё выглядело обычным. Почти обычным.

Но теперь я знала: в этом доме что-то происходит.

Прошло уже полчаса с тех пор, как Элла ушла.

В чём дело?

Почему так долго?

Разве отец не должен был броситься сюда, как только узнал о моём пробуждении?

Вдруг среди тишины раздался протяжный вой.

Я замерла.

Затем послышались чьи-то стоны. Низкие, рваные, тяжёлые. Эти стоны были не человеческими. Они напоминали стоны монстра.

И сразу после этого я услышала крик Эллы.

Сердце оборвалось.

Что там происходит?

Я вскочила и побежала на звук. Ноги ещё плохо слушались после долгого сна, но я не остановилась. Коридоры мелькали перед глазами, стены казались длиннее обычного, а воздух — гуще.

Звуки шли из подвала.

Я открыла дверь.

И увидела это.

Я закричала.

Внизу лежало окровавленное тело Эллы.

Рядом с ней стояла вся моя семья.

На их лицах была кровь. Кровь Эллы.

Они все обернулись и посмотрели на меня.

Их глаза стали чёрными, а зрачки — красными.

Кто они такие?

— Что здесь происходит? — шёпотом произнесла я.

Отец вытер кровь с лица и сделал шаг вперёд.

Я сделала два шага назад.

— Успокойся, Джейн, — ласково сказал отец.

Его глаза снова стали обычного цвета.

Будто мне всё показалось.

Будто внизу не лежала Элла.

Будто на их губах не было её крови.

Но я не могла сделать ни шага в его сторону.

— Вы убили Эллу? — скрежетнув зубами, сказала я.

Мать презрительно посмотрела на тело Эллы. Затем подошла ближе, очень аккуратно взяла её за голову и погладила по волосам.

— Она была очень хорошей женщиной. Но слишком много знала, — ласково сказала мать.

Потом она рассмеялась.

— Но она была очень вкусной.

Мне было отвратительно смотреть на неё.

Всё, что я хотела, — вцепиться ей в глотку и разорвать её на части.

Джессика подошла ближе к матери и тоже погладила Эллу. А затем коснулась её шеи.

— Сестрёнка, тут ещё осталось. Будешь? — непринуждённо сказала она, явно издеваясь.

Во мне что-то оборвалось.

— Заткнись! Не прикасайтесь к ней! — закричала я.

В тот же миг мать и Джессика неожиданно упали, словно их что-то свалило. Они начали судорожно глотать воздух, мучаясь, будто невидимая рука сжимала их горло.

— Хватит, — спокойно сказал отец и схватил меня за плечи. — Очнись!

Он начал трясти меня.

Я отшатнулась от него.

— Не прикасайся ко мне! Вы убили Эллу! Убили единственного человека, который любил меня с рождения! Да кто вы такие?! Монстры! — закричала я с отвращением.

— На себя посмотри! Кто из нас тут убийца, так это ты! — сказала Джессика.

— Джессика, замолчи! — сказал отец.

— Что это значит? — спросила я.

Я вся дрожала. Казалось, ещё немного — и я рассыплюсь в прах.

В этот момент подвал начал рушиться.

Сначала треснула стена. Потом с потолка посыпалась пыль. Камни начали обваливаться один за другим.

Ноги у меня подкосились, и я упала.
Я протянула руку к Элле.
Но на её тело упал камень.
Кровь брызнула мне прямо в лицо.
Все трое уже скрылись, бросив меня одну.
Правильно.
Я одна.
Всегда одна.
Я слышу шум сзади.
Кто-то идёт.
Тот самый парень.
Он появляется среди пыли и обломков так спокойно, будто всё это уже видел. Будто знал, что я окажусь здесь.
Он берёт меня на руки, как тряпичную куклу, осторожно поддерживая за голову.
— Ну, я же просил больше не подвергать себя опасности, — спокойно сказал он. — Надеюсь, с третьего раза ты поймёшь. А сейчас спи.
Он провёл рукой по моему лбу.
Тьма накрыла меня мгновенно.
С этого момента я больше ничего не помню.
Помню только, что оказалась в просторной комнате какого-то дома.
Свет здесь был мягкий. Воздух — свежий, не похожий на тяжёлый воздух моего дома. Я лежала на кровати, укрытая одеялом, и какое-то время просто смотрела в потолок.
— Проснулась, — ласково сказал парень и поднёс ко мне поднос с едой.
Я резко повернула голову.
Он был здесь.
Тот самый.
— Спасибо, — сказала я. — Но где я? Что произошло?
Может ли быть так, что всё это был просто сон?
Возможно, ничего этого не случилось. Возможно, Элла жива. Возможно, отец не предавал меня. Возможно, моя семья не была теми существами с чёрными глазами и красными зрачками.
В глубине души именно на это я и надеялась.
— Меня зовут Ропис.
— Ропис, кто ты такой? Что произошло? Это был сон? — с надеждой спросила я.
Он лишь покачал головой.
Надежда внутри меня тихо треснула.
— Ропис, пожалуйста, расскажи мне правду.
Ропис задумался и посмотрел куда-то вдаль, словно решая, стоит ли мне рассказывать всё или нет.
— Хорошо. Но то, что я расскажу, шокирует тебя, — серьёзным тоном сообщил он.
Значит, это не было сном.
Значит, Элла мертва.
Значит, моя семья — не моя семья.
Я сжала пальцы.
— Я готова, — решительно произнесла я, хотя всё ещё надеялась, что сон просто продолжается.
— Хорошо. Тогда идём со мной. Я покажу тебе прошлое.
Как необычно было для меня доверять незнакомцу. Но было в нём что-то такое, что заставляло меня следовать за ним. Что-то знакомое. Тёплое. Почти родное.

Прошлое...

Не успела я ничего сказать, как перед нами открылась воронка золотистого цвета. Внутри неё мерцали тонкие знаки, похожие то ли на руны, то ли на древние письмена, которые невозможно было прочитать, но почему-то хотелось вспомнить.

Воронка засосала нас внутрь.

Я оказалась на прекрасном лугу.

Цветы потрясающей красоты переливались всеми цветами радуги. Ветер едва касался травы, воздух был прозрачным, а свет — таким мягким, будто сам мир здесь был живым.

Это было захватывающее зрелище.

Ропис стоял позади меня и, казалось, чего-то ждал.

Вдруг на поляну выбежала девушка.

Она была столь прекрасна, что светилась так же ярко, как солнце.

Её волосы были золотистого цвета и спадали почти до колен. У неё была смуглая кожа. Казалось, солнце ласкает её и одаривает своим вниманием. Девушка была высокого роста, с идеальной фигурой и глазами небесного цвета.

Она бежала по лугу босиком и заливисто смеялась. На ней было красивое длинное белое платье, лёгкое и струящееся, будто сотканное из света.

Какая она красивая.

Я затаила дыхание и приблизилась к ней. Мне хотелось прикоснуться к ней. Но моя рука просто прошла насквозь, даже не коснувшись её.

Ропис взял меня за руку.

— Это прошлое. Ты не можешь ни дотронуться, ни поговорить. Всё, что ты можешь, — наблюдать.

— Наблюдать...

Кто она?

Она мне так знакома.

Сердце щемит, будто я её знала.

На поляну вслед за ней вышел парень. Он был так же прекрасен, как и она. Чёрные волосы и зелёные, как сама жизнь, глаза. Телосложение — как у бога. Он был очень бледным. От него исходила другая аура.

Не светлая.

Но и не злая.

Глубокая. Тёмная. Спокойная.

— Илана! Ну, просил же так быстро не убежать от меня, — улыбаясь, сказал он.

— Прости, Лю, — ответила она.

Их взгляды встретились.

В них можно было прочитать все чувства друг к другу. Так ясно, что даже мне стало больно смотреть.

Он подошёл к ней, и они вместе легли на луг, держась за руки.

— Если отец узнает обо всём, он изгонит тебя, — грустно сказала она.

— Знаю. Не беспокойся обо мне, — нежно сказал он, поглаживая её кудрявые волосы.

— Я хочу, чтобы ты всегда был со мной, — прошептала она.

Услышав это, он улыбнулся и притянул её к себе.

— Я тоже этого хочу, — сказал он.

Я приблизилась к ним.

На мгновение время замерло.

Остались будто только мы троём.

Я хотела до них дотронуться. Я тяну к ним руку, но они исчезают.

Я оказываюсь в просторном зале.

Колонны уходили высоко вверх. На стенах были высечены знаки солнца, крыльев, звёзд и весов. Камень был тёплого золотистого цвета, но в нём будто текла живая энергия.

— Ропис, верни их! — кричу я.

Он качает головой и указывает в другую сторону.

Оборачиваясь, я вижу её — Илану. Так ведь её зовут. Она сидит около большого зеркала и расчёсывает свои длинные волосы. Зеркало было необычным: в нём отражалось не только её лицо, но и лёгкое сияние вокруг тела.

Дверь открывается, и к ней входит тот самый парень, которого она звала Лю.

— Что ты здесь делаешь? — удивлённо спрашивает она.

— Я пришёл, чтобы повидать тебя и нашего малыша.

Он подходит ближе и целует её живот. Только сейчас я заметила, что он не идеально ровный, а с небольшой выпуклостью.

Она улыбается.

— Думаю, у нас будет двойня, Лю! — счастливо говорит она.

— Двойня, — удивлённо говорит он. — Это чудесно!

Я подхожу к ней и тоже касаюсь её живота.

На этот раз я чувствую, словно от моего прикосновения идёт вибрация.

От неожиданности я отдёргиваю руку.

Ропис берёт меня за плечи и отводит в сторону.

— Ты почувствовала?! — изумлённо говорит Лю.

— Да, малыши явно хотят с нами поговорить!

— Слышите? Мы любим вас. Мы с мамой вас очень любим, — шепчет он.

Не знаю почему, но по моему лицу текут слёзы.

Снова всё пропадает.

И я вижу пожар.

Но это был не обычный пожар. Небо расколосось, будто в нём открыли рану. Сквозь эту рану тянулись чёрные корни. Они прорастали в стены, в землю, в живых существ. Всё, к чему они прикасались, становилось серым, пустым, мёртвым.

Светлый мир исчез.

Вместо него — дым, крики, огонь, кровь и рушащиеся стены.

Среди всего этого я замечаю Илану с двумя малышами. К ней подходит крупный мужчина, почти в два раза больше неё. Вокруг него сиял ослепительный солнечный свет. Он был прекрасен и страшен одновременно. Его лицо было суровым, а взгляд — таким властным, будто один его приказ мог остановить движение миров.

— Отец, прости меня, но я люблю его! — шепчет Илана.

— Илана, да как ты могла! Лю — Хранитель Границы, а ты моя дочь! Ты дочь Раэна, Хранителя Источника! Ты ведь понимаешь, что его тьма уже пробудилась. На ваши отношения табу! — громко говорит он.

Раэн.

Имя будто ударило по воздуху.

Значит, это отец Иланы.

Сзади подходит Лю.

— Господин, прошу вас, простите меня. Но я правда люблю её. И если кого и надо винить, то только меня.

— Молчать! Я, Раэн, не потерплю этого!

Вокруг него вспыхнул свет.

Не тёплый.

Ослепляющий.

Жёсткий.

Теперь понятно. Это не та мифология, о которой пишут в человеческих книгах. Люди потом называли таких существ богами, ангелами, демонами, но настоящие имена были другими. Древнее. Глубже. Опаснее.

— Отец, сейчас не время для этого! На нас напал Сетар со своими разрушителями! Ему нужна она! — кричит Илана.

— Нет! Не бывать вам вместе! — кричит Раэн.

Сзади на него набрасывается какое-то отвратительное существо.

— Что это? — спрашиваю я.

— Разрушители, — отвечает Ропис. — Служители Пустоты.

— Пустоты?

— Потом объясню.

— Илана, беги с малышами в башню! — кричит Лю.

— Но...

— Сейчас совсем не до этого! — кричит Лю, расправляясь с разрушителем.

Раэн спускает на них потоки солнечного света, но существа всё прибывают. Они будто вырастают из чёрных корней, которые прорастают сквозь сам воздух.

Я бегу за Иланой и малышами, чтобы убедиться, что с ними всё в порядке. Хотя какой смысл? Я всё равно ничего не могу сделать.

Ропис следует за мной.

И вдруг я вижу другого Рописа. Такого же, как тот, что бежит позади меня. Я оглядываюсь и смотрю на него.

Они идентичны.

Значит, он был в этом прошлом.

Сколько же ему лет?

Ропис протягивает руку Илане и помогает ей. Он берёт одну малышку на руки и бежит вместе с ней. Они поднимаются по лестнице.

Они стоят на вершине башни и озираются вокруг.

Везде резня, пожар и много крови. Внизу сияние Источника боролось с чёрными корнями Пустоты. Свет и тьма смешивались в воздухе, но было ясно: это не битва света и тьмы.

Это было что-то хуже.

Пустота пожирала всё.

— Это моя вина! — говорит Илана.

— Ошибаешься, — говорит Ропис.

— Если бы не я, эта война не началась бы. Если бы я ушла с Сетаром, как он того и требовал...

— Не вини себя в этом.

Всё внизу в огне.

— Ропис, прошу, выслушай мою просьбу. Пожалуйста, уведи эту малышку из этого мира. Ведь Сетар пришёл за ней!

— Что? — удивлённо говорит Ропис.

— Эти две девочки — как небо и земля, огонь и вода. Они противоположности. Я назвала эту девочку Синклития, а эту, что у тебя на руках, — Селена.

— Синклития и Селена...

— Я люблю их обеих. Но как только Селена родилась, её тьма потянулась к свету сестры. Не чтобы убить. Чтобы соединиться. Мы испугались и остановили её. Но Раэн сказал, что по пророчеству у запретной любви рождаются близнецы. Одна из них приведёт к концу старого порядка. Другая будет светом во тьме. Синклития — это свет во тьме. А Селена...

Илана посмотрела на ребёнка на руках Рописа.

— Селена — тьма, которую все приняли за зло.

Ропис молча смотрел на Илану.

— Раэн хотел сразу уничтожить её, но я не позволила. Я слишком люблю её. Она моя дочь. Такая же, как Синклития, — сказала Илана, и по её щекам потекли слёзы. — А теперь Сетар всё прознал. Он хочет вырастить эту девочку и превратить её в оружие Пустоты. Я не допущу этого.

Ропис продолжал молчать.

— Ты хочешь, чтобы я забрал дитя тьмы и подарил ей жизнь?

— Она не дитя Пустоты. Она такая же живая, как Синклития. И я верю, что она не разрушит миры. Селена не сделает этого.

— Но ведь ты сама назвала её Селеной — Луной.

— Луна не уничтожает Солнце, Ропис. Она отражает его свет и помогает видеть во тьме. Я хотела, чтобы она это осознавала.

— Мама...

Я расплакалась и неожиданно сказала это.

Что я сказала?

Почему?

Ропис приобнял меня.

— Хочешь на этом остановиться? — спросил он.

— Нет, — безапелляционно ответила я.

Я поднялась и подошла к Илане. И попыталась обнять её, хотя знала, что не смогу.

— Ропис, можно только один вопрос? — спросила я.

— Конечно.

— Кто из них я?

Он посмотрел на меня так, будто хотел смягчить ответ, но понимал, что это невозможно.

— Ты... — с паузой ответил он. — Селена.

После этих слов мне всё стало понятно.

Я, конечно, знала, что я не подарок.

Но чтобы меня могли принять за оружие Пустоты...

На Илану сзади напал Сетар.

Лю и Раэн вдруг появились и отразили атаку.

Сетар был пугающе прекрасен. Высокий, бледный, с длинными чёрными волосами и глазами, в которых не было ни света, ни тьмы.

Только пустота.

И от этого было страшнее всего.

— Ну и кто же из них та самая? — спросил он.

— Ты не получишь её! — закричал Лю.

— Ропис, уходи быстрее! — закричала Илана.

— Не так быстро, — сказал Сетар и напал на Рописа.

К счастью, тот отразил удар.

Илана и Лю подошли к ребёнку и поцеловали его напоследок.

— Я люблю тебя, Селена, — прошептала Илана.

— Будь хорошей девочкой, — сказал Лю.

Ропис с ребёнком исчез.

— Смотри, Раэн, — Сетар показал ему в сторону. — Чёрный Корень уже добрался до Источника Жизни. Что ты будешь делать? Останешься здесь или защитишь то, чему служишь?

— Отец, ты не обязан, — сказала Илана.

Илана протянула Синклитию Раэну и посмотрела на него молящим взглядом. Он взял её на руки и исчез.

— Вот мы и остались втроём, — сказал Сетар. — А теперь расскажите мне поподробнее о своей дочке.

— Ты ничего не узнаешь! — крикнула Илана.

Лю с Сетаром начали драться.

За спиной Лю раскрылись крылья.

Они были чёрными.

Но не пустыми.

В них была ночь. Глубокая, живая, древняя. Та самая тьма, в которой можно укрыться, умереть, переродиться и снова найти путь.

— Меня всегда удивляло, как Раэн мог терпеть тебя рядом. Хранитель Границы с крыльями ночи, возомнивший, что достоин дочери Источника, — сказал Сетар.

Лю оскалился и попытался задеть Сетара. Тот ловко увернулся, и начался бой.

Они дрались почти на равных, но Сетар был не просто сильнее. Его сила не сталкивалась — она поглощала.

Поэтому он победил.

Клинок Пустоты вошёл Лю в живот.

Илана вскрикнула.

— Подожди, дорогая, тобой я займусь позже, — спокойно сказал Сетар и направил в её сторону стрелу.

— Нет! — закричала я.

Илана беспомощно упала.

— Внизу пламя Чёрного Корня. После него даже бессмертные перестают существовать, — сказал Сетар.

Он хотел взять Лю, но Илана подбежала сзади и ударила его. Тот легко её оттолкнул, и она чуть не упала с башни. Её пальцы вцепились в камень.

— Мама, нет! — я подбежала к ней и попыталась помочь.

Мои руки снова прошли сквозь неё.

Лю отбросил Сетара и с раной пошёл к Илане. Он взял её за руки и попытался вытащить. Но силы покидали его. Сетар нанёс ему удар особым клинком.

— Отпусти меня, — прошептала она.

— Никогда, — ответил он.

— Я люблю тебя...

— Я тоже... Вечно...

После этих слов они оба упали, скрепив руки и обнявшись, в пламя Чёрного Корня.

— Нет! Мама! Папа! — кричала я.

Я тянула к ним руку и плакала.

— Нет! Мама! Папа!

Вдруг я вспомнила свой сон.

То, что я пыталась удержать.

То, что всё равно ускользнуло от меня.

Мои мама и папа.

Глава 4. Закон света

А что бы вы делали, если бы узнали, что вы — самое что ни на есть зло?

Не метафорически.

Не в чьих-то обидах или чужих обвинениях.

А по-настоящему.

Я должна бороться. Но каково это — знать, что у меня и у всех живых существ есть только один враг, и этот враг — я?

Каково осознавать, что этому миру было бы не просто лучше без меня. Он был бы в безопасности. И все люди в нём тоже.

Почему?

Я задаю себе один и тот же вопрос.

Я всегда знала, что я не ангел и далека от идеала. Но чтобы до такой степени... Хотя вот Синклития — моя сестра — наоборот, воплощение доброты, олицетворение света и надежды.

То, к чему я тянулась, давно исчезло.

Мои родители умерли, пытаюсь защитить меня. Вместо того чтобы убить корень зла ещё зародышем.

Нет.

Даже не так.

Вместо того чтобы убить ту, кого все приняли за корень зла.

Меня.

Говорят, надежда умирает последней.

Но что, если надежда угасла во мне навсегда?

— Борись, — сказал голос во тьме.

Этот голос.

Ропис.

Ропис говорит бороться. Но как? Как пойти против своей природы? Против пророчества? Против всех, кто с самого моего рождения решил, что я должна стать концом миров?

А может, я ошибка.

Я открыла глаза.

В комнате было светло и немного прохладно. Около меня сидел Ропис и держал меня за руки. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась тревога.

— Что произошло? — озадаченно спросила я и вырвала свои руки.

— Ты испытала сильный шок и отключилась, — спокойно произнёс он.

— Почему ты притворяешься милым и добрым?! Ты ведь ненавидишь меня! — закричала я. — Все ненавидят меня, — уже спокойнее сказала я, глядя в неизвестность.

По лицу потекли слёзы. Я ненавидела это. Ненавидела свою слабость. Ненавидела то, что теперь плачу слишком часто.

Ропис аккуратно прикоснулся ко мне и прижал к своей груди.

— Если ты хочешь поплакать, то плачь, — с заботой произнёс он. — Как я могу ненавидеть тебя? Ты же дочь моей любимой сестры. Я следил за тобой всю твою жизнь.

Я резко отстранилась.

— Что?

Это был новый шок.

— Я, — Ропис положил руку себе на грудь и пристально посмотрел мне в глаза, — брат Иланы.

Иланы.

Моей настоящей матери.

Сердце болезненно сжалось.

— Но кто же мы? — задала я главный вопрос.

Ропис на мгновение замолчал, словно подбирая слова так, чтобы мой мир окончательно не рухнул. Но он уже рухнул. Хуже, кажется, быть не могло.

— Люди дали нам много имён, — начал он. — Ангелы, боги, демоны, духи, хранители. Но все эти слова неточны. Люди всегда пытались объяснить нас через свои страхи и легенды. Настоящая система древнее.

Я молчала.

— Есть Источник Жизни, — продолжил Ропис. — Центр миров. Из него рождаются жизнь, свет, душа, память, движение и сама возможность существовать. Те, кто служат Источнику, называют себя светлыми или Хранителями Источника. Они защищают жизнь, порядок и закон.

— Значит, они хорошие? — спросила я.

Ропис посмотрел на меня с лёгкой грустью.

— Не всегда. Свет может быть милосердным. А может быть холодным и беспощадным, если начинает служить только закону.

Я вспомнила Раэна. Его ослепительный свет. Его голос. Его готовность уничтожить меня ещё младенцем.

Да.

Такой свет не грел.

Он сжигал.

— Есть и другие, — сказал Ропис. — Хранители Границы. Их люди чаще всего называли тёмными. Но тьма не равна злу. Тёмные связаны с ночью, смертью, переходом, завершением, разрушением старого и силой, которая возвращает всё к истоку. Без них жизнь не могла бы обновляться.

— Тогда кто такие разрушители?

Лицо Рописа стало жёстче.

— Служители Пустоты. Вот они и есть настоящая угроза.

— Пустота?

— То, что не создаёт и не завершает. То, что только пожирает. Свет, тьму, память, любовь, выбор, миры. Всё. Пустота хочет не победить Источник, а стереть само существование. Её древняя форма называется Чёрный Корень. Там, где он прорастает, жизнь исчезает.

Я вспомнила видение: чёрные корни, которые тянулись сквозь небо и стены. Всё, к чему они прикасались, становилось серым и мёртвым.

— Значит, Сетар служит Пустоте? — тихо спросила я.

— Да. Сетар — Владыка Пустоты. Он не тёмный в истинном смысле. Он искажение тьмы. Он хочет использовать тебя как оружие.

— Почему именно меня?

Ропис посмотрел на меня долго и внимательно.

— Потому что ты родилась тьмой внутри света. И твоя сила огромна. Все испугались, что ты станешь проводником Пустоты. Но Илана верила, что это не так.

— А ты?

Он не сразу ответил.

— Я тоже хочу верить.

Эти слова почему-то причинили боль.

Хочу верить.

Не верю.

Хочу.

— Значит, я всё-таки опасна, — сказала я.

— Да, — честно ответил Ропис. — Но опасность не равна злу. Огонь опасен. Ночь опасна. Глубина опасна. Сила опасна. Вопрос в том, чему она служит.

Я горько усмехнулась.

— А пророчество?

Ропис опустил взгляд.

— Пророчества редко лгут полностью. Но их часто понимают слишком буквально. Говорили, что дитя тьмы приведёт к концу миров. Возможно, речь не о конце жизни. Возможно, о конце старого порядка.

Старого порядка.

Раэн. Закон. Запреты. Страх перед тьмой.

— И поэтому меня хотели убить?

— Да.

Армагеддон. Апокалипсис. Конец света.

Это всё синонимы моего «я».

Мне вдруг стало смешно. Какой же пессимисткой я стала. Хотя, наверное, сложно быть оптимисткой, когда тебе только что сообщили, что ты возможная причина гибели всех миров.

Ну почему?

Почему именно я?

Слёзы рвались наружу, и я снова заплакала. Последнее время я только это и делаю. Ропис прижал меня к себе и успокаивал. Он понимал, что это всё, что сейчас может для меня сделать.

«И придёт дитя тьмы в облике света. И покорит оно сердца своей красотой и силой. И дрогнет старый закон перед ним. И миры либо падут, либо вспомнят равновесие».

Я не знала, откуда всплыли эти слова. Возможно, из памяти, которой у меня не должно было быть.

Теперь я знаю правду.

Но важнее меня интересовала моя сестра.

Жива ли она?

Если да, то где она?

Это эгоистично с моей стороны, но я хочу увидеть свою сестру. Хочу увидеть воплощение света и надежды — свою противоположность.

Я должна её найти.

— Ропис, я хочу найти свою сестру, — твёрдо сказала я.

Он посмотрел на меня так, будто ожидал именно этих слов и всё равно надеялся, что я их не произнесу.

— Ты хоть знаешь, что ваша встреча может вызвать? — с иронией в голосе спросил он.

— Подозреваю, — ответила я.

Если плюс и минус соединить, что случится? Они поглотят друг друга и оба исчезнут.

Или создадут что-то третье.

Ропис вздохнул.

— Отговаривать тебя, вижу, бесполезно. Тогда предупрежу: твою сестру с детства воспитывали для цели остановить тебя. И если понадобится — уничтожить. Она не остановится только потому, что ты её сестра. Хотя она и свет во тьме, Синклития будет жестока по отношению к тебе, — произнёс он. — К тому же, когда я спасал тебя, то перенёс в будущее. Считай, что Синклития ждала тебя тысячелетиями.

Тысячелетиями.

Слово прозвучало странно. Слишком огромно для моего сознания. Ещё недавно я думала о школе, Саре Паркер и семейном ужине. Теперь — о сестре, которая ждала меня тысячелетиями, чтобы убить.

— Я готова. Сама не понимаю себя, но я чувствую: если встречу с ней, то пойму что-то очень важное.

— Тогда тебе нужно подготовиться. Её с детства воспитывал Раэн. А он не прощает слабости. Свита у неё тоже не из слабых. Для начала нужно пробудить твою настоящую сущность. И обзавестись свитой по возможности.

— Свитой? Зачем она мне... — недоумённо сказала я. — Я же не на третью мировую собираюсь.

Он закатил глаза.

— Думаешь, она тебя слушать будет? — жёстко сказал Ропис. — Раз уж так хочешь её увидеть, то послушай меня. Синклития придёт сама, как только почувствует твоё пробуждение. Ты хоть силой управлять можешь?

— Силой? — проговорила я.

Ропис обречённо закрыл глаза.

— Да уж, тебя всему учить надо.

— Можешь не помогать мне, — сказала я. — Ты не обязан. К тому же ты ведь из светлых. Зачем же мне помогаешь? Я же тьма.

Он усмехнулся.

— Наверное, потому что я такой же идиот, как моя сестра, — тихо проговорил Ропис.

На этом мы и закончили разговор.

Позже было решено: в первую очередь Ропис научит меня обращаться с моей силой.

И так начались долгие, утомительные тренировки. День за днём я тренировалась. Утро начиналось с кросса на длинную дистанцию, затем плавание и дальше по списку. Казалось, он пытался сделать из меня профессионального спортсмена. К счастью, проблем с этим у меня не было, так как я с детства занималась спортом.

Но я-то думала, что пробуждение силы тьмы выглядит иначе.

Например, разрушать горы.

Или хотя бы красиво взрывать камни.

А не бегать до боли в лёгких и медитировать под строгим взглядом Рописа.

Так же, как я интересовалась своей настоящей семьёй, я помнила и о своей приёмной семье.

На все мои расспросы о ней Ропис ничего не отвечал. Сказал, что сам толком ничего не понимает. Ведь они обещали укрывать меня до совершеннолетия и не причинять вред.

— Серьёзно, Ропис или дядя?! Как мне тебя теперь называть? — запутанно проговорила я. — Ты доверил меня тем, кто служит Пустоте?

— Я не знал, что всё настолько изменилось. И у меня не было выбора. На меня шла охота. Никто из Хранителей Источника никогда не стал бы помогать тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.